

Артур Цуциев

АТЛАС

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ

КАВКАЗА

(1774 – 2004)

Издательство «Европа» · Москва · 2006

УДК 323.1:91(479) «1774/2004»
ББК 66.5(235.7)8; 66.5(531)8
Ц 90

Атлас подготовлен при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(грант РГНФ № 03-03-00560а)
и Института «Открытое общество» (Россия)

Цуциев А. А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004).
М.: «Европа», 2006. — 128 с.

50 карт настоящего атласа и сопровождающие их комментарии прослеживают более чем 200-летнее развитие административно-территориальной и национально-государственной композиции Кавказского региона, отражают историко-территориальные и статусные предпосылки современных этнополитических противоречий и конфликтов.

Издание рассчитано на студентов-историков, политологов, других специалистов, изучающих политическую историю Кавказа, юга России, а также — на широкий круг читателей, интересующихся кавказской историей или, в качестве политиков, вовлеченных в ее конструирование сегодня.

ISBN 5-9739-0045-2

© А. А. Цуциев. Текст и карты, 2006
© С. Д. Зиновьев. Оформление, 2006

Нагорный Карабах (фрагмент карты 1925 года)

Рисунок советских национально-административных границ отражает неоднозначность советского разрешения территориальных противоречий. "Лачинский стык" задумывался, скорее, как компромисс и их палиативное решение, нежели провокация таких противоречий в будущем.

Изначально национально-государственное строительство не форсирует образования новых автономий, но, скорее, конструирует в молодых институтах и практике советской системы уже очерченные ранее — в досоветских границах и соперничестве — политические проекты. Это конструирование автономий, их границ и статуса противоречиво: оно несет признаки колебаний центра и столкновения местных интересов и групп. В 1922–23 оформляются Юго-Осетинская и Нагорно-Карабахская автономии. Их образование, статус и границы есть паллиативное и во многом культурное решение острых конфликтов 1918–1920 годов. Решение Кавбюро ВКП (б) по Нагорному Карабаху реализует «национальный принцип» (предусматривая образование автономии карабахских армян) и одновременно игнорирует его (оставляя территорию в составе Азербайджана). Это решение уже не столько большевистский реверанс в сторону кемалистской Турции, сколько внутренний компромисс. Территория, подконтрольная отрядам Нжде, после их вытеснения летом 1921 большей частью инкорпорируется в Армению: так возникает стратегически важный *Меграинский перешеек*, разделяющий Азербайджан с Турцией и Нахичеванью и связывающий Армению с Ираном. Между самой Арменией и Автономной областью Нагорного Карабаха возникает Курдистанский национальный уезд (т. н. Красный Курдистан) в составе Азербайджана. При образовании уезда создается анклавное положение автономии Нагорного Карабаха (вероятно, начальный проект предполагал стыковую границу между Арменией и АОНК и между двумя частями курдского Зангезура).

Появление вслед за национальными областями национальных районов можно назвать нисходящим копированием модели этнической автономии. Очевидно, что первые советские образцы автономизации идут «по следу» прежних конфликтов и соперничества. И лишь

затем этот, уже собственно советский, опыт становится модельным: начинается воспроизводство автономий (этнической спецификации власти и территории) на уровне отдельных районов с компактным или относительно гомогенным этническим расселением. Но этот процесс не является автоматическим: в каждом случае присутствует группа факторов — от персонального упорства этнических лидеров и до социально-политической и экономической конъюнктуры. В 1922 из ряда адыгских анклавов в Кубано-Черноморской области образуется Черкесская (Адыгейская) АО. Причерноморские шапсугские аулы остаются за рамками этой автономии и все же определяются в 1927 в отдельный национальный район. В этот же период на Северном Кавказе образуются два армянских, туркменский, немецкий и греческий национальные районы. Создаются и национальные сельские советы. Процесс территориальной автономизации развивается не только в русском политико-административном окружении. Но аналогичные районные примеры в Закавказье быстро сходят на нет, как и русские (казацкие) районы и иноэтнические сельсоветы внутри горских автономных областей. Автономия русской Мугани или Духобории в рамках советской модели этнического самоопределения вообще немыслима. Отсутствие Тальшской или Татской автономии (при наличии Мегрельской) показывает, что «национальный принцип» не работает самостоятельно и встроен в комплекс иных политических, культурных и экономических стратегий как на уровне общесоюзной, так и республиканских партийно-советских администраций.

Принцип экономической целесообразности и укрупнение регионов

Военные и экономические приоритеты в развитии советского государства обуслов-

ливают следование не-этническим принципам в административно-территориальной организации края и проведение соответствующих реформ. Первая из них осуществляется в 1923–24 годах. При этом композиция национальных образований и сам процесс этнической автономизации в РСФСР встроены в реформу «русских» территорий в качестве их относительно устойчивой периферии. Прежняя административная структура [область/губерния — округ/уезд — волость] сменяется укрупненной [край — округ+автономные области — район+национальный район]. В 1924 происходит слияние Кубано-Черноморской и Донской областей в Юго-Восточную, которая поглощает затем Ставропольскую и Терскую губернии и, включая все горские автономии (кроме Дагестана), оформляется как *Северо-Кавказский край*. Край составляется из округов, почти официально называемых русскими, и шести национальных автономных областей. Хозяйственно-экономические факторы существенно влияют на композицию самих национальных автономий. Включение в 1922 Балкарии в одну автономию с Кабардой — неизбежно по хозяйственно-экономическим основаниям (и нелогично лишь с точки зрения «чистоты этнического самоопределения»). Тогда же возникает Карачаево-Черкесская АО, вся последующая история которой — попытка комбинировать этнический принцип в организации власти/территории с социально-экономическим. Уже в 1926 автономия разделяется по национальному признаку на три части: Карачаевскую АО, Черкесский округ (с 1928 — АО) и русский Баталпашинский район, который отходит к Армавирскому округу. Хозяйственно-экономические аргументы лежат в основании значительного расширения территории Дагестана (присоединение Кизляра и огромного массива отгонных пастбищ в Ногайской степи). Сама ДагАССР воздерживается от вероятного перехода в состав Закавказской СФСР в 1924 году,

чающими усилиями стран-членов т.н. Минской группы ОБСЕ (главным образом, ее сопредседателей — России и США). Позиции сторон в конфликте и сами перспективы его урегулирования касаются нескольких взаимосвязанных проблем, прежде всего, освобождения оккупированных территорий, определения статуса Нагорного Карабаха, разблокирования коммуникаций, возвращения беженцев и социально-экономической реабилитации зоны конфликта. Однако ни «пакетный», ни «поэтапный» принцип рассмотрения/разрешения этих проблем не удалось развернуть на практике, а единственным успехом в течение десяти лет после Соглашения прекращения огня остается соблюдение этого соглашения. Стороны до сих пор не могут прийти к компромиссной формуле, определяющей, кто же выступает в качестве таковых сторон в конфликте и кто должен представлять стороны на переговорах. Азербайджан настаивает на том, что стороной конфликта является Армения, а не карабахское армянское население/его автономия. Отсюда конфликт определяется как межгосударственный и территориальный, а Армения — как государство-агрессор, оккупирующее часть территории Азербайджана. Иной вариант азербайджанской позиции — признание Карабаха стороной внутривнутриполитического конфликта, которая должна быть квалифицирована в качестве сепаратистского движения, бросающего вызов принципу территориальной целостности государств. Азербайджанский алгоритм урегулирования включает осуждение/обуздание агрессора (освобождение оккупированных им территорий) в качестве условия, а затем разворачивание самого урегулирования в режиме налаживания отношений между государством и этническим меньшинством (различные формы автономии, включая территориальную, как механизм обеспечения прав армянского населения Карабаха).

Армянская/карабахская сторона оспаривает сам факт пребывания Нагорного Карабаха

в составе независимого Азербайджана, исходя из того, что советские границы Азербайджана, включающие Нагорный Карабах, были упразднены актом о восстановлении независимости Азербайджанской республики (тем самым, Баку ликвидировал само советское конституционно-правовое основание, позволившее включить в 1921 г. Нагорный Карабах в состав АзССР). Отсюда сторонами конфликта определяются два государства — Азербайджан и НКР, а алгоритм урегулирования предполагает равноправное, не-иерархическое взаимодействие обеих сторон/государств во всех процессах урегулирования. (Номинальное самоустранение Армении как стороны конфликта носит политико-дипломатический характер, но реально позиция Армении в конфликте изначально встроена в карабахскую позицию).

Определение сторон-в-конфликте имеет непосредственное отношение к ключевой проблеме урегулирования и может восприниматься как фактор, влияющий на перспективу определения взаимного политико-правового статуса Азербайджана и НКР. В перечне обсуждаемых вариантов, в частности: (а) НКР — автономия в составе Азербайджана (позиция Азербайджана); (б) НКР — ассоциированное [государство/территория] с Азербайджаном, или формирование конфедерации с Азербайджаном; (в) формирование «общего государства» Азербайджана и НКР (позиция, поддерживаемая Арменией); (г) НКР — кондоминиум Азербайджана и Армении. С международно-правовой точки зрения, государственный статус НКР и изменение границ Азербайджана образца 1991 года вряд ли будут признаны. Границы постсоветских государств отчетливо «преемственны» границам союзных республик по принципу *uti possidetis*, в соответствии с которым предыдущее административное деление приобретает характер границ, защищенных международным правом, даже если прекращают свое действие правовые акты, неко-

гда определившие данные границы.¹ Наиболее вероятная траектория движения сторон к согласительной формуле по статусу НКР с одной стороны ограничена этим принципом, с другой стороны она ограничена фактической невозможностью интеграции НКР в состав Азербайджана (Степанакерту удастся достаточно эффективно использовать внешнюю поддержку, усилия самого армянского населения Карабаха для воспроизводства устойчивой военно-политической конструкции НКР). Отсюда согласительная формула по статусу будет определяться в рамках между номинальным сохранением территориальной целостности Азербайджана и фактической независимостью НКР от Баку. Такие рамки могут ограничивать/наполнять статус НКР следующими полномочиями: самоуправление; наличие своих вооруженных, затем — только полицейских сил; сохранение ряда внешнеполитических прерогатив (особые отношения с Арменией); право регулировать миграцию; наличие особого карабахского гражданства, сопровождающего общее азербайджанское или наличие двойного гражданства Армении и Азербайджана; фискальная автономия и использование двух национальных валют. Согласование этого пакета полномочий, гарантированных международными соглашениями, могло бы сопровождаться освобождением/демилитаризацией шести из семи занятых карабахскими силами районов Азербайджана (кроме Лачинского) и возвращением туда азербайджанских беженцев.

К проблеме статуса примыкает проблема безопасности, ясно связанная с конфигурацией зон контроля и коммуникаций. Степанакерт отклоняет требования об освобождении заня-

¹ Кроме того, цессия НКРА от АзССР в 1991 г., хотя и проведенная формально на основе союзного законодательства, не была признана ни союзными, ни азербайджанскими республиканскими властями (речь идет о Законе СССР от 3 апреля 1990 г., регулирующий вопросы, связанные с выходом союзных республик из состава СССР).